

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Славяноведение, № 4

Очередной, XV, Международный съезд славистов состоялся в Минске 21–27 августа 2013 г. В работе съезда приняли участие более 600 ученых из Австрии, Австралии, Бельгии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Израиля, Италии, Испании, Канады, Литвы, Македонии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Франции, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Японии и многих других – всего из 35 стран мира. Программа форума включала пленарные и секционные доклады, «круглые столы», заседания по тематическим блокам, презентации новых фундаментальных трудов по славистике, а также работу специальных комиссий при Международном комитете славистов (МКС). Торжественное открытие и закрытие съезда проходили в концертном зале «Минск», основная научная программа развернулась в стенах Государственного лингвистического университета. С 22 августа начала работу выставка славистической литературы, изданной за последние пять лет в разных странах.

Международные съезды славистов – крупнейшие научные форумы, посвященные проблемам развития и структуры славянских языков, литератур, культур, фольклору, а также истории славистики. В работе XV Международного съезда славистов приняли участие 82 представителя из России, из которых было 72 докладчика, выступивших с докладами на секционных заседаниях и в тематических блоках. От Института славяноведения РАН с докладами выступали 22 ученых, от Института русского языка им. В.В. Виноградова – 14, в работе съезда участвовали филологи-слависты из самых разных научных и научно-образовательных учреждений Москвы (ИМЛИ РАН, МГУ, РГГУ), Санкт-Петербурга (ИЛИ РАН, СПбГУ), Екатеринбургa и Великого Новгорода. Многие из российских участников съезда также были организаторами работы комиссий при МКС (или же активно содействовали их работе), в частности комиссии по Общеславянскому лингвистическому атласу, по славянской лексикологии и лексикографии, по изучению Библии, по этнолингвистике, по фольклору, по исследованию старообрядчества и др. К началу съезда был издан двухтомник докладов российской делегации «Славянское языкознание» (М., 2013) и «Письменность, литература и фольклор» (М., 2013).

Диапазон выступлений на XV Международном съезде славистов был традиционно широк, в докладах и дискуссиях обсуждались различные и весьма важные проблемы славистики в настоящее время. Столь масштабное славистическое мероприятие крайне трудно отразить в хрониках и обзорах, поэтому вниманию читателей представляется подборка отдельных впечатлений участников съезда о прослушанных ими докладах. Тем не менее эти небольшие заметки участников дают представление о состоявшемся съезде. В заключение публикуются письменные версии выступлений ученых Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН во время состоявшейся на съезде презентации завершеного ими в 2012 г. пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» [1].

А.А. Плотникова

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Ж.Ж. ВАРБОТ

Огромное количество идей и материалов, представляемых на каждом Международном съезде славистов, заведомо не может быть в сколько-нибудь значительной части охвачено и осмыслено каждым участником съезда, и поэтому каждый, как правило, воспринимает ту информацию, которая близка к собственным исследовательским интересам по идеям, методике, материалу.

Мною был представлен на съезд доклад – *Ж.Ж. Варбот* (Россия) «Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда» о морфологическом переразложении в праславянском языке на материале отглагольных производных с префиксом *ob- и значении этого нерегулярного изменения в структуре слов для реконструкции позднепраславянского лексического фонда. Исследование нерегулярных изменений представляется одной из актуальных проблем праславянской грамматики, которые не могут быть объектом описания в собственно грамматических трудах и материал для которых накапливается и исследуется прежде всего в статьях по отдельным проблемам, касающимся разных уровней языка, см. развернутый анализ проблемы места для анализа редких изменений у Я. Малкея [2. Р. 212–213]. Поэтому весьма существенно, что различные типы нерегулярных изменений были освещены в нескольких докладах, представленных на съезде.

Название доклада *И. Янышковой* (Чехия) «Место контаминации в этимологических решениях» четко обозначает анализируемый объект – лексику и применяемый метод толкования – контаминацию. Автор приводит ряд убедительных примеров контаминации. Наиболее важным в докладе представляется обсуждение проблемы разграничения контаминации и других нерегулярных изменений на примере авторских и существующих этимологических решений. Автор уверенно отделяет контаминацию от народной этимологии и напоминает противоречивые толкования в плане контаминация/аналогия на примере структурной близости праслав. **mьrtvъ* и **zivъ* (ъ < -uo-), где справедливо признается автором аналогия, и лат. *mortuus* (вм. перв. **mrtos*) – кимр. *marw* (<**mŕ-uo-*), относительно которых вопрос оставлен открытым. Непосредственная позиция автора в отношении степени семантической близости, необходимая для контаминации: она отвергается для праслав. **krasti* и **vesti* (как средство объяснения -d- в **krasti*), но признается для **mnogъ* (< и.-е. **men-* ‘выступать. выдаваться’ и **magh-* ‘мочь’). Автором отмечены возможности семантического развития определенного корня как альтернативы контаминации его с другим корнем, но в конкретном случае праслав. **soldьkъ* недооценена максимальная вероятность собственного семантического развития ‘солёный’ → ‘приправленный, приятный, вкусный’ (см. в последнее время [3. С. 103–105]). При всей справедливости вывода автора доклада об особенно существенной роли контаминации в этимологии (в сравнении с другими уровнями языка), нельзя без существенной доли сомнения разделить точку зрения, что к контаминации как средству объяснения прибегают тогда, когда все остальные методы бессильны. Этот метод во всех случаях требует надежной аргументации и соответствующего сравнения с возможностями других толкований.

Доклад *Н.П. Антропова* (Белоруссия) «“Вождение *Кўста*” в контексте проблематики белорусско-инославянских (/неславянских) этнолингвистических соответствий», ориентированный на освещение этнолингвистических вопросов, имеет, однако, прямое отношение к рассматриваемой проблеме нерегулярных изменений, так как итогом тщательного обзора и анализа этнографического, фольклорного и языкового материала является объяснение происхождения имени центрального обрядового персонажа *Кўста*. Автор считает исходным праслав. диал.

gvozdъ* ‘лес’ с последующими изменениями: «gozd* → **gost*/**zocm* → *kosm*/*Kost* (реальная форма, лишенная семантики вне обрядовой сферы) // *густ*/*Густ* (реальная форма, возникшая, скорее всего, в результате семантического сближения с *густ*- (< **gostъ-jъ*) → *куст*, *Куст* (реальная форма как результат контаминации *kosm*/*Kost* и *густ*/*Густ* ; *Куст* → *Кушт* как результат раннего балтского (здесь литовского или ятвяжского) влияния». В этой цепи преобразований (регулярных: **gv-* > **g-*, *zd* > *st* как следствие падения редуцированных) и нерегулярных представляется избыточной попытка объяснения вариантности *g/k* (*gost*/*kost*) вариантностью на индоевропейском уровне, поскольку и здесь, и особенно в *куст*/*Куст*, достаточно вероятна народная этимология с переинтерпретацией по *кость* и *куст*. Народно-этимологическое преобразование тем более вероятно, что остается очень спорной (и определенно неясной носителям диалекта) первичная семантика, реконструируемая автором как мифологический персонаж, пришедший из леса и тождественный ему по названию. Однако в приведенных фольклорных текстах этот персонаж не только связывается по месту создания с лесом, но и явно отделяется от леса: см. «Куста, куста да пад цёмны лес», «Ой, мы булы ув вылыкому бору, / Ой, звылы Куста із зылёного клену». Именно этот, семантический, аспект (а не структурные преобразования) реконструкции требует большего обоснования.

Доклад А. Шивиц-Дулар (Словения) «К типологии внутриязыковых факторов развития (на примере славянских языков)» посвящен аналогии как ключевому нефонологическому фактору изменения языка. Автор излагает историю и теории соответствующего понятия и освещает типологию действия аналогии в славянском словообразовании, с описанием также вторичных нерегулярных последствий аналогии в форме переинтеграции (переразложения). Особое внимание уделено развитию праславянских глаголов совершенного вида в славянских языках. Предлагается различать «случайные, непрогнозируемые виды аналогии» и «более систематические виды аналогии, которые основаны на языковых образцах и моделях». Это разграничение сформулировано очевидно неточно, поскольку ориентация на определенный образец=модель необходима для аналогии всегда. Но указание на системные виды подводит к авторскому толкованию явлением аналогии ряда процессов в славянском словообразовании, аналогический характер которых представляется весьма спорным. Таковы, в частности, процессы расширения прилагательных с *и*-основами суффиксами *-ko-*, *-no-* и *-ьно-*, образование глаголов с суфф. *-nq-*, параллельных основам на *-a-* и *-ě-*.

Содержание упомянутых докладов убеждает в актуальности проблемы нерегулярных изменений в языке и необходимости продолжения разработки соответствующих понятий и методики их применения для объяснения изменений на различных уровнях языка.

Т.И. ВЕНДИНА

Начну с пленарного доклада Г.А. Цыхуна (Белоруссия) «Аспекты славянской ареальной лингвистики», так как это первый случай в истории съездов славистов, когда на пленарное заседание выносится доклад по ареальной лингвистике. Факт сам по себе чрезвычайно значимый, свидетельствующий о перспективности данного направления в славистике. Кроме того, проблематика доклада перекликается с моим секционным докладом. Пленарный доклад Г.А. Цыхуна был посвящен проблеме центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, которая, как известно, имеет давнюю историю и берет свое начало еще в теории волн И. Шмидта. Традиционно центр рассматривался как некая креативная область, которая рождает инновации. Инновации распространяются радиально на окружающие территории, отгесняя архаизмы на периферию. Такое представление о соотношении центра и инноваций сложилось во многом благодаря

работам представителей романской неолингвистической школы, и прежде всего М. Бартоли, разработавшего понятие «нормы ареала», в соответствии с которым «инновации исходят из метрополии (Италия), а более поздние романизованные провинции сохраняют архаизмы». По мнению Г.А. Цыхуна, праславянская языковая территория не была полностью аналогичной романскому языковому миру, а представляла более или менее гомогенную общность без сложившейся метрополии и провинций. Основные инновации в этом континууме зарождались в зоне контактов с соседними языками, перекрывая большую часть их и оставляя остальную часть во «власти» архаизмов, однако и здесь могли зарождаться периферийные инновации. В результате наложения ареалов разнонаправленных инноваций образовывалась «сверхинновационная» зона, представлявшая собой «центр», противопоставленный менее инновационной и более архаичной периферии. Этот «центр» был, по существу, результатом взаимодействия инноваций, а не их производителем. Таким образом, по мнению Г.А. Цыхуна, центры зарождения инноваций формируются на периферии. В отличие от романского языкового мира, где ареальный центр был стабильным, ареальный центр славянской языковой общности перемещался в связи с миграцией славян и экспансией неславянских народов.

И далее в докладе была сделана попытка определить славянские праязыки, занимавшие центральную позицию в праславянском языковом сообществе на основе интерпретации лексикостатистических и глоттометрических данных А. Журавлева, Н. Котовой и М. Янакиева. Используя так называемые t-показатели, свидетельствующие об эксклюзивности языковой системы того или иного идиома, докладчик говорил о том, что таким низким показателем обладают белорусский, украинский и словацкий языки. На основании этого он делает вывод, что на определенном историческом этапе на позицию центра претендуют белорусский, украинский и словацкий праидиомы, а на роль ближней периферии македонский, словенский и нижнелужицкий праязыки. После разделения славянской языковой общности на два ареала – севернославянский и южнославянский, снова происходит формирование отдельных ареальных структур типа центр – периферия.

В моем докладе – *Т.И. Вендина* (Россия) «Типология архаичных ареалов Славии» проблема центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов рассматривается с позиций архаизмов. Доклад отвечает на вопрос: является ли у славян, как у романцев, центр сферой инноваций, а периферия – областью архаики. В связи с этим зоны архаики оцениваются не только в пространственном, но и типологическом аспекте. Предметом исследования явились материалы Общеславянского лингвистического атласа.

Первый вопрос, который необходимо было решить, это вопрос о том, какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической стратификации материала, представленного на картах Атласа, поскольку на них праславянские языковые явления сосуществуют в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Можно ли вообще найти такие критерии или, вслед за Н.С. Трубецким, следует признать, что «всякое отдельно взятое слово распространяется в своих собственных границах» и имеет свою собственную топографическую историю? А потому от поисков таких критериев следует отказаться. В связи с этим перед нами стояли задачи:

- 1) выделить архаизмы;
- 2) определить их локализацию на всем пространстве terra Slavia, а для этого необходимо было рекартографировать материал содержащих их карт;
- 3) выстроить типологию архаических ареалов.

В целях повышения чистоты эксперимента я сузила определение архаизма. Под архаизмами понимаются лексемы, имеющие общеславянское распространение, праславянское происхождение и индоевропейские соответствия, т.е. архаиз-

мы оцениваются не с функциональной точки зрения (как это обычно делается в курсе лексикологии), а исключительно с пространственно-временной. При этом взаимоотношения центра и периферии рассматриваются в пространственно-типологическом аспекте **современной Славии**, а не «доисторической». В докладе были представлены многочисленные ареальные сценарии существования праславянских архаизмов и показано, как пространство влияет на тип ареала.

Приводя рекартографированные материалы Атласа, я говорила о том, что архаичные языковые явления могут находиться как на периферии, так и в центре современной Славии. Они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы, разрушение которых может происходить как в центре, так и на периферии. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Как свидетельствуют карты Атласа, вся периферия Славии подвержена разрушительным процессам. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем: этот процесс связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой, в которой сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ьĭ-ьk-a*, *žen-ьk-a*, *//ež-ьk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ*, *měst-ьc-e*, *muš-ьk-a*, возникших на основе своих праславянских производящих). Таким образом, историческая последовательность языковых событий, как отмечал Л. Теньер, как бы записывается самой географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть [4. С. 114].

Выстраивая типологию ареалов праславянских архаизмов, я доказывала, что противопоставление центрального и маргинального ареалов как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее. Таким образом, материалы Атласа дают основания для нового взгляда на некоторые стереотипы лингвистической географии.

Доклад *Е.С. Узенёвой* (Россия) «ОКДА и современные этнолингвистические исследования карпато-балканского региона» был посвящен проблеме изучения материальной и духовной культуры этого региона. Дело в том, что в свое время составители «Общеславянского карпатского диалектологического атласа» отказались от идеи создания комплексного лингво-этнографического атласа. Приводя различные полевые материалы, собранные по специальному этнолингвистическому вопроснику, Узенёва убедительно доказывала целесообразность и необходимость реализации этой идеи, которая позволит существенно дополнить материалы Атласа.

Доклад *А. Цыхнерской* (Польша) «Балканский тип сандхи» был посвящен особому виду сандхи, который существует в македонских и албанских диалектах. Полевые наблюдения автора свидетельствуют о том, что возникновение этого явления обусловлено такими причинами, как темп речи, тип морфологической границы, качество слога, долгота, тип паузы и даже возраст говорящего. В диалектах обоих языков часто наблюдается оглушение конечных звонких согласных на границе двух слов.

Доклад *М. Йовановича* (Черногория) «Фонетические особенности говоров на границе Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины» был посвящен фонетическим изменениям, которые происходят в этих говорах сегодня. По мнению автора, эти изменения во многом обусловлены различием в конфессиональной принадлежности носителей диалекта, поскольку современная ситуация в обществе заставляет говорящего по-новому решать проблему своей идентификации (вынужденный билингвизм, изменение диалектной базы говоров, миграции, пре-

бывание в новой среде – все это влияет на речь говорящего и, соответственно, на фонетические особенности этих говоров). В этом смысле данные говоры интересны не столько с диалектной, сколько с социолингвистической точки зрения.

Доклад *С. Реметича* (Сербия) «Сербский диалектологический атлас в свете языковой и диалектной интерференции» также был посвящен проблемам социолингвистического характера. Автор говорил о серьезных изменениях на карте сербских диалектов, которые произошли в результате миграционных процессов, вызванных военными событиями: территория одних диалектов уменьшилась (причем иногда настолько, что некоторые диалекты исчезли вовсе), тогда как территория других диалектов, напротив, увеличилась. В результате возникли проблемы с «Сербским диалектологическим атласом». Он также приводил примеры изменения в фонетической и лексической системе говоров, когда они оказываются в окружении диалектов иных конфессий.

В докладе *С.А. Мызникова* (Россия) «Региональные восточнославянские атласы в системе славянских и финно-угорских» говорилось о необходимости создания региональных атласов (особенно на территории северо-запада) с целью выявления финно-угорского субстрата.

Следующий блок докладов (*Я. Сятковского*, *А. Ференчиковой*, *В.П. Русак*) был связан с Общеславянским лингвистическим атласом. Доклад *Я. Сятковского* (Польша) «Значение и география славянских названий частей тела» был посвящен историческому, этимологическому и лингвогеографическому анализу отдельных анатомических названий, представленных в 9 томе лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа «Человек», в частности таких лексем, как *зуба*, *утроба*, *лицо*, *бровь*, *лоб* и др.

Доклад *А. Ференчиковой* (Словакия) «Словообразовательная проблематика в 4 томе лексико-словообразовательной серии ОЛА “Сельское хозяйство”» раскрывал проблему диалектной дифференциации Славии по данным словообразования. В этом томе содержатся девять собственно словообразовательных карт: они посвящены названиям фруктовых деревьев и их плодов, на двух таких картах показаны различия как в способах номинации, так и в деривационных средствах; названиям полей, с которых убраны зерновые культуры и картофель, названиям палок косы, цепа и грабель, названиям деятелей – четыре карты, различающиеся суффиксами, участвующими в оформлении соответствующих названий. На этих картах отчетливо просматривается диалектная дифференциация современной Славии, в частности на картах, посвященных наименованиям *nomina agentis*, хорошо видно противопоставление южной и северной Славии: если в южной Славии основным словообразовательным средством в их оформлении является суф. =*аѣ-ь*, то в северной – суф. =*ьс-ь*.

В докладе *В.П. Русак* (Белоруссия) «Морфонология белорусского языка в общеславянском контексте (лингвогеографический аспект)» освещались вопросы исторической фонетики и морфонологии в свете новых данных ОЛА. Рассматривалась проблема ареальной дифференциации современной Славии в связи с непоследовательностью фонетических процессов 2-й и 3-й палатализаций заднеязычных согласных, а также вызванными ими историческими чередованиями на морфемных швах.

Доклад *С.С. Скорвида* (Россия) «Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа» был посвящен историческим изменениям в одном чешском говоре, носители которого переселились в Краснодарский край более 150 лет назад (в 1860 г.). Привлекая обширный диалектный материал, собранный в полевых экспедициях, автор показал, какие изменения произошли в фонетической и лексической системе этого чешского говора и вместе с тем обратил внимание на то, что до сих пор этот говор сохраняет яркие признаки юго-западных чешских диалектов, хотя и испытал воздействие южнорусской языковой среды.

Сходной проблеме был посвящен и доклад *Н.Е. Ананьевой* (Россия) «Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом». В докладе прослеживалась судьба двух польских говоров, один из которых сохраняет черты материнского диалекта (силезские говоры), а другой относится к так называемым кресовым идиомам, сформировавшимся на восточнославянском и балтийском субстрате. Оказавшись в иноязычном окружении, эти говоры по-прежнему сохраняют яркие черты силезских говоров, хотя и демонстрируют разную степень усвоения русских языковых элементов.

Доклад *Е. Серочука* (Польша) «Характерные признаки диалекта в языке жителей сел» затрагивал частную проблему, а именно – изучение диалектных текстов для сравнительной характеристики тех или иных говоров. Так, в частности, его внимание привлекло книжное издание «Текстов из запада Великой Польши» З. Соберайского. На 210 страницах этого текста имеется около 63 тыс. диалектных форм. Сравнив этот материал с данными «Великопольского атласа языка и народной культуры», автор приходит к выводу, что целый ряд форм, типичных для говоров этого региона, в исследуемом корпусе либо не выступает, либо имеет одиночное употребление. Поэтому идентифицировать диалектные формы в этом тексте не представляется возможным.

А.Г. КРАВЕЦКИЙ

Предлагаемый ниже обзор содержит заметки о ряде докладов, прочитанных на заседаниях секций по проблематике «Славянская письменность на разных этапах ее развития». В докладе *А.А. Пичхадзе* (Россия) «Лингвистические особенности славянских толковых переводов XI–XII вв.» были рассмотрены лексические и грамматические особенности переводов греческих толкований Феофилакта Болгарского на библейские тексты, а также толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова. Развивая ранее высказанную А.А. Алексеевым гипотезу об общем происхождении этих переводов, докладчик указал на то, что особенностью переводов этой группы является сосуществование лексических южнославянизмов и русизмов. Охарактеризовав эти особенности, А.А. Пичхадзе показала, что наибольшее сходство толковые переводы имеют с Хроникой Георгия Амартола, переведенной не позже второй половины XI в. и с некоторыми другими, близкими к Хронике, переводами. При этом толковые переводы отличаются от Хроники наличием некоторых преславских лексем. Кроме того, здесь отсутствует лексика, объединяющая Хронику с древнейшей славянской гимнографией.

Доклад *А.А. Гинтцуса* и *С.М. Михеева* (Россия) «О подготовке свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв.», прочитанный С.М. Михеевым, представлял собой презентацию проекта многотомного свода древнерусских надписей. Одновременно докладчик подвел и первые итоги этой работы. Было отмечено, что включение эпиграфического материала в круг текстов, исследуемых историками и лингвистами, существенно расширяет наши представления о характере и репертуаре древнерусской книжности, а также о политической и церковной истории Древней Руси. В настоящее время идет работа над надписями, сохранившимися более чем в 20 новгородских храмах.

В докладе *М. МакРоберт* (Великобритания) «Да насладится ему беседа моя: употребление перфектных и имперфектных форм второго лица в церковнославянском» была предложена модель распределения аористных и имперфектных форм в зависимости от жанра текста и адресата высказывания.

В своем докладе «“Влесова (Велесова) книга” с точки зрения славистики» *В.В. Нимчук* (Украина) дал обзор гипотез, касающихся обстоятельств фальсификации и дальнейшего распространения этого фальсификата. Докладчик посетовал, что, несмотря на убедительные доказательства фальсифицированного характера

этого текста, он продолжает активно публиковаться и комментироваться в различных популярных работах.

Доклад *И.В. Герасимовой* (Россия) «Проблема адаптации текста и напева песнопений Литургии Киевской митрополии в рукописях Московского патриархата XVII – первой половины XVIII в.» был посвящен влиянию киевской певческой традиции на московскую. Она отметила, что созданные в Юго-Западной Руси певческие книги появились в Московской Руси во второй половине XVII в. Прямое использование киевских ирмологиев было невозможно, поскольку киевская редакция распеваемых текстов отличалась от московской. Взаимная адаптация музыки и текстов происходила во время книжной sprawy, проводимой во второй половине XVII в. И.В. Герасимова достаточно подробно осветила технические вопросы подобной адаптации, показав, что к 80-м годам XVII в. в крюковых обиходах сформировался сравнительно устойчивый цикл Киевского напева, содержащий ряд специфических песнопений Киевской митрополии. Многие из этих песнопений были восприняты русской певческой культурой. Так, например, напев «Милость мира» в чине Литургии Василия Великого хорошо известен и в современной богослужебной практике.

Доклад *И. Хегедуша* (Венгрия) «Об исправлении церковных книг в Москве в XVII веке» также был посвящен Никоновской справе. На основе анализа корректурных экземпляров докладчик предложил перечень явлений, подлежащих нормализации в процессе sprawy. Очень интересными кажутся выводы автора о том, что некоторые орфографические явления, традиционно считающиеся инновациями, появившимися при патриархе Никоне, встречаются еще в исправлениях иосифовых справщиков.

В своем докладе «Формирование языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу)» *Н.В. Николенкова* (Россия) рассмотрела историю и языковые особенности славянского перевода знаменитого атласа «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus», составленного Вильгельмом и Иоанном Блау. Докладчик исходит из того, что кружок московских грекофилов, представителями которого был осуществлен славянский перевод, сознательно стремился к расширению сферы использования стандартного регистра церковнославянского языка. Анализ рукописной традиции показал, что переводчики активно экспериментировали с разными вариантами передачи терминов, используя в одних случаях транслитерацию, в других – прибегая к поморфемному переводу, в третьих – употребляя описательный термин. При этом ни одному из вариантов не было отдано предпочтения, и на протяжении всего XVIII в. все три модели активно использовались в переводческой практике. С грамматической точки зрения перевод соответствует нормам стандартного регистра церковнославянского языка.

В докладе *С. дел Гаудио* (Италия) «Ранние латинско-славянские контакты и их отражение в древнейших письменных памятниках» ставился вопрос об относящихся к дописьменной эпохе контактах носителей славянских диалектов с латинским миром. Проанализировав ряд исторических и языковых свидетельств, докладчик пришел к выводу о том, что определенный пласт латинизмов имелся уже в протославянском языке, откуда он и был заимствован письменной традицией.

Т. Дайбер (Германия) в докладе «Одновременность и казуальность: *яко* в Мариинском Евангелии» рассмотрел средства, при помощи которых славянские переводчики передают конструкции с союзом *ѡти*, и в связи с этим описал функции славянского слова *яко*. Славянское *яко* (также как и *ѡти*) может использоваться как для введения прямой речи, так и в качестве причинного союза в том случае, если имеется указание на одновременность действия.

Доклад *Ф. Томсона* (Бельгия) «Славянская рецепция сочинений папы Григория Великого» содержал обзор славянских переводов творений св. Григория – от Римского патерика, переведенного на славянский не с оригинала, а с греческого

перевода в конце IX – начале X в., до переводов XVII в., выполненных уже с латыни и атрибутируемых Симеону Полоцкому и Димитрию Ростовскому.

В докладе *А.М. Молдована* (Россия) «Рукописная традиция 16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского» было предложено рассматривать древнейший список 13 слов Григория Богослова как копию конволюта, в который входят два самостоятельных блока. Первый блок (8 слов) принадлежит известному сборнику 16 Слов Григория, а оставшиеся тексты – к какой-то иной переводческой традиции. Таким образом, докладчик предлагает видеть в древнейшем списке не начальный этап текстологической истории этого памятника, а один из промежуточных этапов. В дальнейшем тексты слов Григория неоднократно редактировались с целью приблизить их к греческому оригиналу.

Доклад *А.Г. Кравецкого* (Россия) «Церковнославянский язык как один из современных славянских языков» был посвящен судьбе церковнославянского языка в XVIII–XXI вв., когда этот язык утратил функции литературного, но продолжал использоваться в качестве литургического. Докладчик указал на то, что, с одной стороны, поздняя церковнославянская письменность непосредственно связана с кирилло-мефодиевской традицией, что дает основания рассматривать ее как консервацию определенного этапа развития старославянского языка. С другой стороны, церковнославянский язык продолжает достаточно активно развиваться и видоизменяться. При создании новых текстов и исправлении старых современные редакторы могут стремиться как к их модернизации (с целью сделать более понятными), так и к архаизации. Столкновение архаизаторского и модернизаторского подходов ведет к тому, что даже в пределах текстов, написанных в XX–XXI вв., сосуществуют исторически разновременные словоизменительные парадигмы, логическая и интонационная пунктуационная система и некоторые другие элементы, принадлежащие разным историческим эпохам.

В докладе *Г.С. Баранковой* и *И.И. Макеевой* (Россия) «Повествовательные произведения Кирилла Туровского и проблемы русского литературного языка» были рассмотрены нарративные сочинения Кирилла Туровского, комплексное изучение которых дает новый материал для истории русского литературного языка. Было показано, как Кирилл наряду с употреблением слов в прямом значении значительно расширяет семантику обычных слов. Для аллегорических и назидательных толкований используется также и отвлеченная лексика. Широко представлены композиты. Обилие синонимов или близких по значению слов составляет одну из характерных языковых особенностей языка Кирилла. Писатель обогащал свой язык как лексикой, восходящей к кирилло-мефодиевской традиции, так и преславской лексикой. В литературный язык Кирилл Туровский внес особую метафоричность, выразительность и эмоциональность.

Г.П. ПИЛИПЕНКО

В рамках XV Международного съезда славистов особое внимание было уделено рассмотрению языковых ситуаций в славянском мире. Доклады участников заслушивались на заседаниях, которые, к сожалению, проходили одновременно. В результате приходилось буквально «разрывать» между секциями, чтобы послушать интересный доклад, а интересными были все доклады. С другой стороны, понятна такая организация: много докладчиков, участников, поэтому равномерно выстроить работу секций по одной тематике вряд ли было возможно.

Больше всего внимание докладчиков привлекал анализ языковых ситуаций в разных уголках славянского мира. Так, *О.А. Остапчук* (Россия) интересовала языковая ситуация на Украине, сравнению языковых ситуаций на Украине, в России и Хорватии был посвящен доклад *Ж. Челич* и *Т. Фудерер* (Хорватия), *М. Вингендер* (Германия) охарактеризовала современную ситуацию в Поволжском регионе РФ, *Т. Менцель* (Германия), анализируя использование местоимений в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи, подробно ос-

тановился на языковой ситуации в этих регионах, а *М. Глушковский* (Польша) рассмотрел ситуацию на микроуровне – в польской деревне Вершина Иркутской области России.

Отдельный блок тем, представленный на секциях, касался вопросов двуязычного образования и речи детей из двуязычных семей, при этом все доклады, что хотелось бы отметить, основывались на результатах собственных опросов и работы с информантами. *Г.П. Филипенко* (Россия) сравнил систему двуязычного образования в Прекмуре и в Воеводине. В других докладах на данную тему в фокусе внимания были группы иммигрантов в первом и во втором поколении. *М. Перотто* (Италия) изучала русскоязычных детей, посещающих так называемые субботние школы в Италии, *Т. Аништатт* (Германия) обратилась к изучению польскоязычных детей в Германии, а *А. Пеетерс-Подгаевская* (Нидерланды) анализировала высказывания детей из русско-нидерландских семей. Из всего корпуса собранных отклонений видна тенденция к вытеснению форм и конструкций, характерных для родного языка, элементами из языка преобладающего окружения: чрезмерное употребление указательных местоимений, выбор вида глагола, замена синтетических конструкций аналитическими и т.д.

Русинистике как отдельной дисциплине были посвящены доклады *М. Капрала* (Венгрия), а также *А.Д. Дуличенко* (Эстония), представившего обзор всех «микрофилологий» в современном славяноведении. Следует отметить, что дискуссии, последовавшие за представленными докладами, были самыми продолжительными и по накалу страстей довольно жесткими. Большую полемику вызвал статус русинского языка (языков). Вопросы к докладчикам, к сожалению, не всегда были выдержаны в нейтральной манере и иногда принимали издевательский тон, что в научных дискуссиях недопустимо.

Исторической социолингвистике был посвящен доклад *В. Жобер* (Франция), в котором анализировалось использование иноязычных вкраплений в переписке представительницы дворянского рода О.А. Толстой-Воейковой. Данная тема вообще представляет отдельное направление в исторической социолингвистике. О переключении кода, но уже в современной ситуации, говорил *Д. Пинеда* (Норвегия), рассматривая саамско-русское двуязычие на Кольском полуострове.

Отдельно хотелось бы остановиться на сообщении *А. Зинкевича* (Австрия). Его исследование является примером междисциплинарных исследований (на стыке социолингвистики и медицинской реабилитации) – исследование восстановления речи у билингвов после инсульта. Объектом исследования была речь одного информанта родом из Белоруссии, имеются образцы его речи до инсульта и после. Докладчик делает вывод, что поскольку белорусскоязычная терапия отсутствует, то в идиолекте информанта после проведенной терапии стали преобладать элементы русского языка. Данное направление представляется нам чрезвычайно интересным для исследования, особенно в многоязычных регионах. С другой стороны, подобные исследования чрезвычайно дороги и под силу только коллективу ученых, не говоря уже об их длительном характере.

Доклад *М. Краузе* (Германия) также вызвал интерес у аудитории. На большом эмпирическом материале было представлено отношение носителей русского языка в Германии к разным вариантам русского языка и диалектам, при этом определялись лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на это отношение.

Если упомянутые выше авторы уделяли внимание внешнеязыковой ситуации, то доклад *Г.П. Нецименко* (Россия) был посвящен внутриязыковой ситуации: влиянию спонтанных языковых процессов в устной речи на кодифицированную языковую норму.

Особенностью съезда славистов было проведение тематических блоков. Как правило, выступает один докладчик и несколько содокладчиков, затем предполагается дискуссия. Данная форма научной дискуссия оказалась очень эффек-

тивной: на рассмотрение выносятся проблема, доклады подбираются близкие по тематике, у докладчиков и дискуссионтов достаточно времени, чтобы высказаться. Один из таких тематических блоков был посвящен актуальному вопросу в социолингвистике «Смешанная речь или смешанная система». В качестве основного докладчика выступил *Г. Гентшель* (Германия), в своем выступлении он рассматривал белорусско-русскую смешанную речь, так называемую трасянку. С докладчиками были *И. Тамбор* (Польша) и *А. Тараненко* (Украина), которые рассказали о языковой ситуации в Силезии и об украинско-русской смешанной речи, «суржике», соответственно. Пристальное внимание авторов к проблеме смешанной речи понятно, съезд славистов проходил в Минске, в Белоруссии «трасянка» исследуется очень активно. Докладчики приходят к выводу, что и в «трасянке», и в «суржике» элементы белорусской, украинской и русской языковой системы смешиваются не хаотично, как это может показаться на первый взгляд.

В целом, докладчики на съезде осветили все основные области социолингвистики: переключение кода, смешанная речь, изучение речи мигрантов, двуязычное образование, отношение к языку и к языковым явлениям, историческая социолингвистика, комплексный анализ внешне- и внутриязыковых ситуаций, функционирование славянских микроязыков, в полной мере был продемонстрирован междисциплинарный характер социолингвистики. Однако из-за параллельной работы секций было невозможно услышать все доклады, которые в программе съезда были заявлены в разделе «Языковые ситуации в славянском мире».

И.А. СЕДАКОВА

Самое полное впечатление мне удалось составить о работе секции «Языковая картина мира у славян. Когнитивные, этнолингвистические, лингвокультурные и лингвопрагматические подходы к изучению славянских языков», где было мое выступление. Заседания начались с доклада *С. Небжеговской-Бартминьской* (Польша) «Стереотипы и ценности в языковой картине мира», в котором ставились теоретические и методологические проблемы типичной для Люблинской этнолингвистической школы аксиологической направленности, но на материале народных «стереотипов» (в терминологии «люблинцев»). Она рассмотрела три стереотипа (образа или концепта в ином терминологическом обозначении) – «солнце», «Бог», «мать» и показала, как когнитивные компоненты в них связываются с аксиологическими. Продолжением этой проблематики стало выступление *С. Ристич* (Сербия), которая в своем докладе «Элементы языковой картины мира в дескриптивной лексикографии – языковые и культурные стереотипы» также оперировала научными методами и терминами Люблинской этнолингвистической школы. На примере лексики, связанной с концептами «дом» и «мать», исследовательница показала, что словарь-тезаурус может дать довольно-таки полную аксиологическую картину. Особую роль в раскрытии ценностной сущности концептов играют словосочетания, которые при сравнении с другими языками позволяют выявить национальную специфику аксиологической картины мира. Как бы подтверждая это положение, дискуссия обозначила серьезные расхождения в сербском и болгарском идиоматическом материале, связанном с концептом «мать» (у болгар нередко в конструкциях присутствует не «мать», а «отец», *бащина къща* «отцовский дом» и др.). *И.А. Седакова* (Россия) в докладе «О 'легкости' и 'тяжести/трудности' в языке и культуре славян: этнолингвистический анализ» обозначила некоторые закономерности в наличии или отсутствии симметрии в лексическом и культурном наполнении полей 'легкости' и 'тяжести', обозначила межславянские синонимические ряды 'легкости' ('счастливым', 'спокойный', 'добрый' и др.), а также проанализировала ряд этнографических контекстов, в которых языковая семантика поддерживается культурной. Доклад *Л.И. Шевченко* (Украина) «Колористика в массовом сознании славянских социумов» базировался на результатах психолингвистического эксперимента по восприятию цвета и

выстраиванию ассоциативных рядов в массовом языковом сознании. Цветовая характеристика позволяет отчетливо очертить национальную специфику языковой картины мира; даже в наши дни, как утверждала Л.И. Шевченко, в эпоху глобализации, аксиология цвета связана с традиционным этнокультурным фоновым знанием. При этом исследовательница поделилась необычными, по ее мнению, ассоциациями. Например, к слову *корова* студенты в ассоциативном эксперименте часто давали определение *фиолетовая*. Очевидно, что это устойчивое словосочетание навязано массовой культурой, и быстрый поиск в Яндексе или Гугле позволяет раскрыть эту загадочную для докладчицы связь (*фиолетовая корова* – ключевое словосочетание для модной теории маркетинга, которую изучают студенты вузов).

Е.Л. Березович (Россия) в докладе «К типологии метафоры: вторичные значения лексем “мачеха”, “вдова”, “сирота”, “холостяк” в славянских языках (на иноязычном фоне)» на богатейшем лексическом материале показала мотивационные механизмы в развитии переносных значений у лексики «аномального» родства и охарактеризовала тематические группы лексем во вторичном значении, мотивы и отдельные уникальные семантические переносы. *М. Китанова* (Болгария) в докладе «Культурные доминанты при реконструкции концепта “время” в болгарском и русском языках» поделилась с аудиторией своими наблюдениями над сходством и различием в так называемой пословичной ментальности двух народов применительно к категории времени. Сложилось впечатление, что это первый подступ исследовательницы к теме, поскольку для слушателей осталось непонятным, каковы принципы выявления категории времени в тех пословицах, где отсутствуют ключевые лексемы исследуемой лексико-семантической группы. Логика подбора материала вызвала много нареканий. *В.Б. Колосова* (Россия) в докладе «Народная этимология и этимологическая магия в славянской народной ботанике» остановилась на сложных случаях смычки семантики термина и описания его ритуального применения. Таких случаев, когда трудно определить, что является причиной магического использования растения – онтологическая специфика растения, его символика или же внутренняя форма его терминологического обозначения в славянских странах немало.

Г.И. Кабакова (Франция) выступила с докладом «Наивная анатомия в славянских языках: пищеварительная система». Она обратилась к практически не исследованной, но очень перспективной этнолингвистической теме метафоричности внутренних органов и их деятельности. Докладчица привлекла богатый диалектный материал и выделила основные принципы традиционного народного описания процессов переваривания пищи, состояния голода или, наоборот, сытости. *А. Пеянович* (Черногория) в докладе «Постоянные эпитеты как этнокультурные маркеры» сравнила эпитеты для сокола, волка и поля в русском и сербохорватском (оговорив, что это условный термин) языках.

Та часть докладов, которые удалось прослушать на секции по языковой картине мира, перекликались между собой. Доклады ряда исследователей во многом опирались на методику Люблинской этнолингвистической школы и были обращены к описанию одних и тех же стереотипов (концептов). Кроме того, были очень интересные сближения в материалах и их интерпретации в докладах С. Небжеговской-Бартминьской, Е.Л. Березович, И.А. Седаковой и Г.И. Кабаковой.

Из других секций удалось послушать доклад *Т.В. Радзиевской* (Украина) «Передача речевого события в украинском языке». Исследовательница выделила 12 типов «новых» ситуаций в речевом дискурсе и описала развитие языковых средств при передаче «своего» или «чужого» материала. В дискуссии многие слушатели настаивали на том, что эти ситуации не являются новыми, и доводы докладчицы, что опеределенная модификация ситуаций имеется, их не убедили. Интересная дискуссия разгорелась в связи с обсуждавшимся в докладе фактом участвовавшего использования в современном украинском языке частицы *ніби-то*, которую

автор считает аналогами рус. *как бы, типа* с модальностью недоверия. В ходе дискуссии предложили соотносить эту частицу с рус. *якобы* и *вроде*.

Б.Ю. Норман (Белоруссия) прочел несколько провокативный для лингвистов доклад о псевдовысказываниях (как он сам отметил, его вдохновили идеи В.А. Звегинцева, который писал о неререферентных «псевдопредложениях»). Докладчик начал с хрестоматийных дидактических примеров разной функциональной направленности: («Мама мыла раму», «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», «Иван родил девочку, велел тащить пеленку») (слушатели с радостью стали вспоминать идентичные дидактические тексты на польском, сербском и других славянских языках, поскольку подобные тексты служат опознавательными знаками для гендерно-поколенческих «узнаваний»). Однако исследователь не ограничился этими примерами и значительно расширил сферу «псевдовысказываний», включив в нее и пословицы, и поэзию, и некоторые (псевдо)научные тексты. В результате участники дискуссии предложили *Б.Ю. Норману* значительно сузить понятие и круг текстов, относящихся к «псевдовысказываниям».

Исключительно интересным для меня оказалась секция по белорусистике. Докладчики (*Л.В. Рычкова, Т.Р. Рамза, А.В. Никищевич*) в основном анализировали специфику социолингвистической ситуации в Белоруссии, говорили о перспективах развития белорусского литературного языка в разных городах страны и его применения в образовательных процессах в высшей школе.

Тематический блок «Ценности в культурно-языковом образе мира славян и их соседей» (рук. *Е. Бартминьский*) ознакомил слушателей с многолетней работой в области аксиологии, которая ведется учеными разных стран, но центром ее является Польша. Основной доклад прочитали теоретики этого большого проекта *Е. Бартминьский* и *В. Хлебда*, которые рассказали об основных методологических проблемах исследований, доложили об уже достигнутых результатах и наметили основные перспективы работы. Участники блока поделились своими наработками в изучении ценностей как с применением методики *Е. Бартминьского* (*Е. Руденко, Д. Айдачич*), так и без строгого соблюдения этих рекомендаций (*Е.Л. Березович, С.М. Толстая, И.А. Седакова*). Дискутант *А.В. Юдин* поднял вопрос о переводимости терминов самих концептов-ценностей, которые подвергаются анализу. Действительно, терминология создает серьезные проблемы при сопоставлении аксиологических аспектов одного концепта, поскольку точных соответствий при переводе не получается. Как кажется, отсутствие эквивалентов при переводе приводит и к положительным результатам, поскольку исследователи должны обратиться и к обстоятельному сравнительному собственно семантическому анализу.

Н.Н. СТАРИКОВА

В программе XV Международного съезда славистов было заявлено шесть литературоведческих секций: «История славянских литератур и анализ художественного текста», «Литература и религия», «Славянский перевод», «Литература – философия – идеология», «Проблемы современных славянских литератур» и «Литературная критика и публицистика». Последняя секция за отсутствием докладчиков не состоялась. Всего во время работы съезда было заслушано около ста литературоведческих докладов. Рабочими языками были все славянские, а также английский, немецкий и французский. В заседаниях литературоведческих секций приняли участие российские сотрудники ИСл РАН *И.Е. Адельгейм, Л.К. Гаврюшина, Н.Н. Старикова, Л.Ф. Широкова, А.Г. Шешкен*.

По тематике все прозвучавшие выступления литературоведов можно условно разделить на три в численном отношении приблизительно равные группы: доклады, посвященные славянским литературам, доклады, в центре которых русская литература; доклады сравнительного характера, причем в 50% случаев в качестве компаративного примера выбран русский компонент.

Большинство выступлений на самой многочисленной литературоведческой секции «История славянских литератур» (28 докладов) соответствовало заявленному в ее названии узловым проблемам: славянские литературы в европейском и мировом контексте. При этом докладчики чаще всего опирались на компаративный дискурс как на уровне сравнительного анализа конкретных славянских литератур – *Г. Кирибаум* (Германия), «Ревизия и мимикрия. К истории русско-польских литературных связей 1820-х годов; белорусско-литовская компонента», *М.А. Тычина* (Белоруссия) «“Młoda Polska”, “Молода Україна”, “Малая Беларусь”», *Г.Я. Ильина, Н.Н. Старикова* (Россия) «Югославские литераторы в “Лексиконе южнославянских литератур”: новые подходы» и др., – так и при сопоставлении отдельных авторов и произведений – *Л. Баич* (Сербия) «Тема бедных людей в сербской и русской литературе: сопоставительный анализ произведений Ф.М. Достоевского и Б. Станковича»; *А. Ибришимович-Сабич* (Босния и Герцеговина) «Эстетика трагизма: Мак Диздар и Осип Мандельштам» и др. Некоторые выступления касались заметных фигур русской культуры: Симеона Полоцкого – *Л.И. Сазонова* (Россия), Льва Толстого *К. Алавердян* (Бельгия). Логично выстроенный мини-блок представили обобщающие доклады о сербской и восточнославянской поэзии – *И.Ф. Штэйнер* (Белоруссия) «Национальная поэзия в эпоху глобализации: перспективы и проблемы эволюции», *Й. Делич* (Сербия) «Авангард в межвоенный период как генератор модернизации послевоенной сербской поэзии», *Т.Я. Автухович* (Белоруссия) «Современная поэзия восточнославянских народов в антропологической перспективе».

Тематика секции «Литература и религия» также в целом отвечала поставленным строителями задачам. Она затрагивала два проблемно-типологических вектора: роль богослужебных текстов в формировании славянской книжности – *Л.К. Гаврюшина* (Россия) «Богословский “ключ” агиографической традиции и художественный опыт сербских книжников XIII–XIV вв.») и библейские мотивы в литературе XX в. – *А.Л. Топорков* (Россия) «Синтез библейских и фольклорных традиций в литературе первой русской эмиграции».

Два заседания сравнительно немногочисленной секции «Славянский перевод» (восемь выступлений), несмотря на тематическую «пестроту» – от анализа переводов А. Курбского до рассказа об опыте работы с диалектными текстами – сопровождалась оживленной дискуссией. Это трудно назвать случайностью. Художественный перевод был и остается важнейшим средством мировой межкультурной коммуникации, одним из способов взаимного обогащения национальных литератур. В конце XX – начале XXI в. в этой сфере происходят значительные, хотя и неоднозначные, часто противоречивые изменения, и это ставит перед переводчиками и литературоведами новые задачи. В ходе обсуждения и докладчики, и слушатели подняли ряд весьма злободневных вопросов, касающихся как эстетических критериев перевода, так и фактора воздействия переводной литературы на славянское культурное пространство.

Самой эклектичной по содержанию была, на наш взгляд, вторая по числу участников (26) литературоведческая секция «Литература – философия – идеология». В подзаголовке, расшифровывающем ее название, написано: «Эстетическое и этическое, национальное и интернациональное в славянских литературах нового времени. Место писателя в социально-политической жизни эпохи. Национальное возрождение и его отражение в славянских литературах. Специфика формирования белорусской литературы». Очевидно, что с точки зрения дефиниции «эстетическое и этическое, национальное и интернациональное» может быть рассмотрено все, что имеет отношение к литературному творчеству. Приблизительно четверть выступлений имели прямое или косвенное отношение к белорусской литературе: *А.Г. Шешкен* (Россия) «Лирика Максима Богдановича (к вопросу об особенностях формирования белорусской национальной литературы)»; *М.В. Трус* (Белоруссия) «Белорусская литература в Чехословакии 1920–1930-х годов: национальная

идентичность в условиях актуального межкультурного полилога»; *В.П. Рагойша* (Белоруссия) «Белорусский стих XIX в. между Востоком и Западом» и др. В нескольких докладах был сделан акцент на том влиянии, которое социалистическая идеология оказывала на словесность – *Д. Бошкович* (Сербия) «Культурные последствия и идеологическо-политическая подоплека идеи югославской литературы в (южно)славянском контексте», *К. Иванкович, С. Кос* (Хорватия) «Мотив социалистического воспитания в современной чешской и хорватской прозе»; или шла речь о месте художника в литературном процессе – *С. Маркович* (Сербия) «Десанка Максимович – поэтический посредник между славянскими литературами». Остальные выступления, некоторые из которых, например сообщение *О. Бурениной-Петровой* (Швейцария) о российских экранизациях литературных произведений, были весьма любопытны, но в предложенную семантическую парадигму едва ли вписывались.

Включение некоторых докладов в последнюю литературоведческую секцию «Проблемы современных славянских литератур» также вызывает вопросы. Заявленное в ней тематическое направление расшифровывается как «Диалог актуального художественного мышления и национальной литературной классики. Литература диаспоры и смена литературного канона в славянских странах. Постмодернизм в пространстве традиционного общества и классической культуры. Славянские литературы и кино. Роль молодежных субкультур в славянских литературах последних лет». И постмодернизм, и оборот «последних лет» со всей очевидностью указывают на вторую половину XX – начало нынешнего века. Между тем в программу этой секции оказались включены доклады и о тургеневских переводах Флобера, о прозе З. Гиппиус и Г. Газданова, о романах А. Платонова. При этом нельзя не отметить высокий научный и культурный уровень европейских литературоведов-русистов. Почти половина выступавших на этой секции анализировала произведения современных русских авторов, например *С. Довлатова – Л. Салмон* (Италия), *Л. Улицкой – Дж. Джиганте* (Бельгия), *Т. Толстой – А. Морар* (Швейцария), *Н. Медведевой – Т. Половы* (Канада), *Н. Ключаревой – А. Вэль* (Германия). Они вызвали живой отклик аудитории, перешедший в полезную дискуссию. Продуктивным оказался интердисциплинарный подход, использованный *Б. Йовичем* (Сербия) в докладе «Шарло и славяне: Чарли Чаплин в славянской литературе и искусстве между двумя войнами».

Общее впечатление от встречи в Минске в целом двойственное. С одной стороны, здесь впервые заявили о себе представители совсем «молодых» славянских литератур – например боснийско-герцеговинской, на некоторых литературоведческих секциях прозвучали несомненно интересные доклады. С другой – многие сообщения касались очень частных вопросов, были случаи, когда заявленные в программе темы не совпадали с содержанием реального выступления, были и курьезы: доклад коллеги из Германии о когнитивной функции аллюзий попал в литературоведческую секцию. Нет логики и в том, что доклады *И.Е. Адельгейм* (Россия) и *Л.Ф. Широковой* (Россия), посвященные проблемам текущего литературного процесса, в итоге оказались в разных секциях. Устроителям надо было более продуманно подходить к формированию основных тематических узлов и компоновке программы. Представляется целесообразным, выстраивая доклады внутри секций, хотя бы группировать их в концептуальные мини-блоки. Как всегда болезненным остается вопрос регламента. Паритет на заседаниях не соблюдался, первые говорили 40 минут, последние – 15, ведущие секций опаздывали, прерывали выступления и дискуссию и т.д. При этом организаторы не предупреждали модераторов об изменениях в программе, регламенте или о переносе места заседания.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОВАРЯ «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

С.М. ТОЛСТАЯ

«Основные положения концепции словаря»

В 2012 г. выходом из печати 5-го тома завершено издание этнолингвистического словаря «Славянские древности» [1] – первого в славистике опыта лексикографического представления традиционной духовной культуры всех славянских народов (если не считать польской энциклопедии «Словарь славянских древностей» [5], в которой представлены в основном археологические и исторические «древности»). Замысел этого труда принадлежит академику Никите Ильичу Толстому. В этом году мы отметили 90-летие Н.И. Толстого: была проведена международная конференция в Ясной Поляне, издан сборник «Ethnolinguistica slavica», организованы выставки, посвященные жизненному и научному пути Н.И. Толстого, в Ясной Поляне и в Москве. Презентация словаря «Славянские древности» тоже посвящена этой дате.

Н.И. Толстой кратко сформулировал его задачу следующим образом: «“Славянские древности” – словарь, призванный дать читателю объяснение слов, понятий, предметов, действий, действующих лиц, наконец, обрядов, суеверий, ритуалов и праздников, связанных со славянской народной культурой, ее древнейшим дохристианским и христианским слоем, с ее мифологическими представлениями и верованиями [...] Он будет охватывать все славянские традиции и все доступные материалы от древности до наших дней. Лишь путем сравнения всех славянских этнических традиций можно установить древность того или иного явления [...] Здесь действует принцип разбитого черепка, найденного археологом. Его осколки могут разлететься далеко во все стороны, и часть этих осколков может быть утрачена, но если оставшиеся осколки, сделанные из одного и того же материала, хорошо прилаживаются друг к другу, можно быть уверенным, что они принадлежали одному сосуду. А форма сосуда, материал и глубина залегания его осколков определяют время его возникновения и разрушения» (рукопись).

На титульном листе издания значится: «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Каждое из этих четырех слов заключает в себе одно из основных положений его концепции. Слово «**славянские**» указывает на общеславянский характер словаря, что принципиально важно для поставленной в нем задачи реконструкции древнейших элементов славянской духовной культуры. В этом отношении словарь следует за лингвистикой, опирающейся на сравнительно-исторический метод. Подобно тому, как праславянский язык может быть реконструирован только с учетом данных всех славянских языков, праславянская культура может быть реконструирована лишь путем сравнительного изучения всех славянских этнокультурных традиций. На замысел словаря не могли не повлиять опыт и результаты таких крупнейших научных предприятий общеславянского масштаба в области славянского языкознания, как «Общеславянский лингвистический атлас», «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачева, «Праславянский словарь» (Słownik prasłowiański) под ред. Ф. Славского. Эти фундаментальные труды, начатые в 50–70-е годы XX в., продолжают до сих пор. Подобных трудов общеславянского масштаба в области духовной культуры и фольклора славянских народов не существует. Если лингвисты хорошо знают, где говорят *хлеб*, а где *хліб* или *хляб*, где говорят *дом*, а где *хата*, *хижа* или *кућа*, то в отношении культурных явлений такого четкого представления об ареалах их распространения у нас все еще нет. Словарь «Славянские древности» в некоторой степени восполняет этот недостаток и стремится очертить географические границы описываемых элементов духовной культуры.

Слово «**древности**» в названии словаря также связано с идеей реконструкции архаических элементов славянской духовной культуры, однако оно применяется

по отношению не только к явлениям, реконструируемым для праславянского периода истории, но и к тем формам культуры, возникшим в последующие эпохи, которые в своем содержании и структуре воспроизводят механизмы и отражают понятия древнейшей культурной традиции. Таковы, например, многие элементы христианской культуры, воспринятые народной традицией, но интерпретированные в категориях мифологии и магии. Речь идет, таким образом, о реконструкции не «исторической», а «**семантической**», направленной на воссоздание древнейших (исконных) смыслов изучаемого явления.

Слово «**этнолингвистический**» отражает специфику того подхода к культуре, который предложен Н.И. Толстым и предполагает изучение культуры «сквозь призму языка». Имеется в виду как сам язык (прежде всего лексика и фразеология), сохраняющий в себе архаические культурные смыслы, так и наука о языке, лингвистика, в которой разработаны эффективные методы изучения семантики слова и текста, в том числе и культурной семантики, а также методы сравнительно-исторического, структурного и ареалогического изучения языковых явлений, которые могут быть применены в исследованиях духовной культуры в целом и фольклора в частности. Даже общеупотребительная лексика может содержать важные в культурном отношении значения. Например, совпадение в рус. слове *месяц* значений '12-я часть года' и 'луна' отражает архаическую систему «лунного времени», реликтово сохраняющуюся в народной традиции до наших дней. В свою очередь анализ культурных контекстов слова позволяет реконструировать не только коннотации слова, но и его глубинную мифологическую семантику. Например, языковые контексты и связи слова *кукушка* дают возможность определить его семантику как 'птица определенного вида' и его коннотации – такие как 'вещая птица', 'одинокая душа' (ср. *куковать*), тогда как его родство с серб. *кукати* 'причитать, голосить по покойнику', а также псковский обряд «плач с кукушкой» (женщина обращается к кукушке с просьбой передать известие умершим близким) позволяют реконструировать культурный стереотип кукушки как представительницы «того света». Особой ролью языковых данных в семантической реконструкции культуры обусловлено также то внимание, которое уделяется обрядовой и иной терминологии в словарных статьях «Славянских древностей».

Наконец, слово «**словарь**» определяет жанр этого труда, отличающий его от таких компендиумов славянской духовной культуры, как труд К. Мошинского «Народная культура славян» [6] или книга Э. Гаспарини «Славянский матриархат» [7], где дается синтетическое изложение по отдельным разделам и темам культурной традиции. Выбор словарной формы объясняется не столько ориентацией на язык и языкознание, сколько стремлением выделить и истолковать элементарные единицы языка культуры, культурные знаки (символы, понятия), которые лежат в основе любых «текстов культуры» (обрядовых, фольклорных, изобразительных, музыкальных и т.д.), подобно тому, как из слов как единиц словаря составляются любые языковые тексты. Но как выбрать эти элементарные единицы культуры? Ведь культура способна осмыслять и наделять символическими значениями практически любой объект или явление окружающего мира и мира человека. Оказывается, однако, что культура, в отличие от языка, **избирательна** и наделяет значением далеко не все объекты и сущности, с которыми имеет дело человек (например, из деревьев – дуб, березу, липу, осину, а бук или клен практически обходит вниманием; из птиц выбирает кукушку, но не синицу, курицу, но не утку; из зверей – волка, но не лису; из признаков – «острый» значим, а «мягкий» нет, и т.д.). Это объективное обстоятельство и особенность символического языка культуры. Критерием включения в словарь служит также **повторяемость** символа в культурных контекстах, **устойчивость** его культурных функций и семантики.

Лексикографическая (словарная) форма представления материала имеет не только свои преимущества, но и недостатки. Она позволяет охарактеризовать

каждый объект или явление во всей полноте его «употреблений», установить его структуру, разновидности, функции, набор значений, географию. Но форма словаря оставляет непроясненными (или недостаточно выявленными) системные связи каждого символа, обряда, реалии, его вхождение в «синонимические ряды» (т.е. его изофункциональность с другими элементами культуры), его оппозиции другим элементам и иные отношения системного характера. Она также не позволяет целиком охарактеризовать крупные обрядовые или иные блоки культуры или отдельные параметры и категории культурной традиции. Отчасти этот недостаток восполняется наличием в словаре обобщающих статей типа *Время*, *Пространство*, *Календарь народный*, *Астрономия народная*, *Метеорология народная*, *Медицина народная*, *Пища*, *Растения*, *Цвет*, *Число* и т.п. В таких статьях отмечаются основные смысловые и структурные характеристики соответствующих сфер культуры и их реализация в конкретных статьях, относящихся к данной сфере. Для того чтобы оценить, насколько полно представлена в словаре архаическая «картина мира», придется мысленно «собрать» весь материал словаря и систематизировать его, исходя из целостной картины традиционного восприятия мира (народная космология) и человека (народная антропология). Следует, однако, учитывать, что, во-первых, граница между космологией и антропологией не всегда четко обозначена – в силу антропоцентризма культуры, субъектом которой является человек, представления о внешнем мире по большей части оказываются антропологически окрашенными, а во-вторых, разные сферы в разной степени соотносятся с разными жанрами культуры: одни связаны преимущественно с ритуальными формами, другие – с фольклорными, третьи – с поверьями и мифологическими представлениями.

Из этого по необходимости сжатого и заведомо не исчерпывающего обзора видно, что словарь «Славянские древности» может служить не только справочником по отдельным элементам традиционной духовной культуры славян, но и источником, предлагающим интерпретацию важнейших смысловых категорий культуры, на которых строится все ее здание и без которых невозможно воссоздание целостной многомерной картины мира славян и реконструкция символического «языка» культуры и культурных механизмов восприятия мира и человека. Это не значит, что в словаре нет пропусков и недоделок, несовершенных интерпретаций и просто ошибок. Некоторые из такого рода упущений уже сейчас видны авторам, другие будут обнаружены позже или указаны рецензентами и пользователями. Что-то мы не смогли сделать по объективным причинам, а что-то по недосмотру или недостаточности наших знаний. Сравнение словника словаря со списком предполагаемых статей, помещенным в пробном выпуске словаря [8], показывает, что многие из планировавшихся статей остались не включенными: одни были перенесены в другие статьи (например *Смок* – в статьи *Змей огненный* и *Змея*, *Просфора* – в статью *Булочка* и т.п.), другие получили иное название (например *Подмена ребенка* – *Подменыш*), какие-то темы оказались малозначимыми и не обеспеченными материалом (например *Корзина*, *Хворост*, *Пенки*, *Бусы*, *Пыль*, *Подушка*, *Рукав*, *Рытье земли*, *Слива* и др.), наконец, некоторые действительно важные темы оказались незаслуженно обойденными (*Четки*, *Украшения*, *Метрология народная*, *Вышивка*, *Орнамент*, *Ссора*, *Театр народный*, «*Троецыпятница*», *Шум ритуальный*, *Язык тайный*, *Ярмарка* и др.). Разумеется, каждая отдельная тема, как представленная, так и не представленная в словаре, может стать предметом специального и несравненно более подробного и глубокого анализа, и словарь не может заменить таких специальных исследований. Его главный результат в другом – он реконструировал не столько сам исторический дохристианский пласт славянской культуры, сколько «словарь» и «грамматику» языка этой культуры, и показал культурные механизмы, которые действовали на протяжении всей истории славянской духовной культуры – как дохристианской (языческой), так и христианской эпохи.

Для Н.И. Толстого этнолингвистика «есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [9. С. 27]. Размышляя о структуре этой науки, Н.И. Толстой выделял этнолингвистику в широком и в узком планах. В широком понимании этнолингвистика изучает «“план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.)». «Такое изучение, – пишет Н.И. Толстой, – в наше время может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами, что в значительной мере оправдывает наличие второго компонента слова “этнолингвистика”» [9. С. 39–40].

Базовый для всех московских этнолингвистов (и объединяющий их) труд – этнолингвистический словарь «Славянские древности» в большей мере опирается на представление этнолингвистики в широком смысле слова, хотя интерпретация, исследование мотивации и внутренней формы ключевых лексем славянской культурной терминологии в словаре неизменно присутствует. Соотношение лингвистического и экстралингвистического материала в словаре – важный вопрос, который решался с момента возникновения замысла словаря и на протяжении многих лет его создания.

Необходимо было определить место нашего словаря в кругу иных источников того времени. Какова была славянская лексикографическая традиция ко второй половине XX в.? С одной стороны, это общие монументальные лексикографические лингвистические труды XIX–XX вв., наподобие «Толкового словаря живого великорусского словаря» В.И. Даля (1863–1866 гг.), в котором отражено множество русских суеверий, обрядов и обычаев, восходящих к глубокой древности. В большей или меньшей мере то же можно сказать о любом общем словаре эпохи становления того или иного славянского литературного языка: у белорусов – о словаре И.И. Носовича (опубликован в 1870 г.), у украинцев – Б.Д. Гринченко (словарь вышел в 1907–1909 гг.), у сербов – о «революционном» словаре Вука Караджича (первое издание – 1818 г.), у болгар – о словаре Н. Герова (1895–1904 гг.); соответственно у западных славян такую роль сыграли «Словарь польского языка» С. Линде (1807–1814 гг.), «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна (1835–1839 гг.). Каждый из этих лексикографических трудов имеет свою специфику, связанную с особенностями отдельного славянского литературного языка (по степени приближения к фольклору и народной традиции славянские литературные языки классифицировал Н.И. Толстой в своей книге «История и структура славянских литературных языков». М., 1988).

При создании «Славянских древностей» обращалось большое внимание на диалектные словари XX в. Именно эти словари передают особенности народной картины мира, стоящей за тем или иным диалектным словом. С этой целью в словарные статьи диалектных словарей включались этнографические комментарии, иллюстрации фрагментов текста на диалекте, отражающие те или иные стороны народной духовной культуры. Кстати сказать, особое значение в нашем случае имела белорусская диалектная лексикография [10]. Образцом такого «приближенного» к народной духовной культуре словаря стал пятитомный белорусский «Туровский словарь» (Минск, 1982–1987 гг.), в котором активно использовались этнографические комментарии и иллюстрации на диалекте. Польская диалектная лексикография также имела большое значение для осознания жанра такого этнолингвистического словаря, в котором экстралингвистический аспект гармонично дополняет (а в некоторых случаях – объясняет, толкует) собственно лингвисти-

ческий. Это, прежде всего, труд Б. Сыхты «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» (1967–1976 гг.).

Этимологические словари также были под пристальным взглядом авторов-составителей словаря «Славянские древности». Н.И. Толстой не раз жаловался на то, как, к сожалению, совсем мало в этимологических словарях используются этнографические источники. Этимология ряда слов-терминов, прежде всего народной духовной культуры, невозможна без привлечения этнографического и фольклорного материалов, что показывают и многие современные славистические исследования.

Собственно **энциклопедические** словари по славянской народной духовной культуре также пристально изучались авторами словаря, хотя на момент появления первых томов словаря «Славянские древности» их было немного. Существовали мифологические словари энциклопедического типа, дающие представление о каких-либо локальных мифологических системах: «Сербский мифологический словарь» 1970 г., позже – «Болгарская мифология. Энциклопедический словарь» 1994 г. Что касается русской лексикографической традиции, необходимо вспомнить «Словарь русских суеверий» М.Д. Чулкова 1782 г. (т.е. появившийся еще в XVIII в. как свод сведений о суевериях русского народа в алфавитном порядке). С другой стороны, широко известны мифологические словари, объединяющие сведения о многих традициях, в том числе славянских, например: «Мифы народов мира» (1980–1981 гг.); «Мифологический словарь» 1990 г. под редакцией Е.М. Мелетинского.

Сведения о реликтах древней мифологии славян, их верованиях и обычаях можно найти в западноевропейских мифологических словарях по народной культуре; особенно выделяется в этом отношении «Настольный словарь немецких суеверий» (Berlin; Leipzig, 1927–1942. Bd. 1–10), привлекающий обширный материал многих европейских регионов с целью сопоставления его с немецким и выявления соответствующих аналогий. Этот словарь, который также стал источником сведений для нашего словаря, высоко оценивал Н.И. Толстой.

Пробный выпуск словаря «Славянские древности» появился в 1984 г. Немало скептиков сомневались в успехе реализации всего проекта, задавались вопросы: не станет ли новый «этнолингвистический» словарь повторением немецкого словаря или же повторением трехтомника А.Н. Афанасьева [11]; чем будет отличаться словарь от «Поэтических воззрений славян на природу»? Другой блок вопросов касался профессионализма авторов столь грандиозного труда: сможет ли коллектив тогда еще начинающих этнолингвистов создать этот объемный и значимый, по замыслу Н.И. Толстого, словарь?

На вопросы первого типа авторы отвечали применением в словаре новаторских подходов и разнообразием используемых источников (лингвистических, этнографических, фольклорных). Многое решалось по мере продвижения самой работы над словарем. Каждый из участников – специалист по какой-либо локальной славянской традиции – стремился найти необходимый материал по своей тематике для разных статей, т.е. не только для собственных статей, но и для статей других авторов. В словаре «Славянские древности» так или иначе представлены все славянские традиции. Добавим, что атмосфера при создании словаря была творческой. Почти каждая статья обсуждалась коллективом авторов, и по мере обсуждения возникали самые разные забавные моменты, в том числе и связанные с редактированием словаря. Во-первых, периодически обыгрывались сокращения букв, особенно первых – Б и Г. В словаре принята система сокращений наименования заглавных по первой букве. Неудивительно, что фраза из ст. Гнездо: «В магических целях используют Г. ремеза, имеющего одну самку: его вешают на палку, затем ударяют ею ссорящихся супругов...» [1. Т. 1. С. 503] вызывала неоднозначную реакцию самих авторов словаря. Во-вторых, материал, с которым мы работали, при редактировании часто порождал смысловые нелепости. В ст.

Брачная ночь редакторы в первой версии статьи читали: «В Брестской области супружеские отношения не допускаются». Расширенный вариант окончательной версии объяснял эту фразу из раздела «Запреты на супружеский акт»: «В Брестской области бывает, что супружеские отношения не допускаются, пока молодые не посетят церковь или пока не заберут у родителей корову» [1. Т. 1. С. 260]. Веселых казусов с материалом словаря было немало. Названия заглавных статей использовались в устной речи, разумеется, без упоминания, что речь идет о самой статье. Посторонний мог, входя в Отдел этнолингвистики и фольклора, услышать: «Ты забрала у меня Домашних духов?», «Пришли мне Факел и Угли по почте...» и т.д.

По мере создания словаря стали появляться собственные работы молодых авторов словаря, отчасти с ним коррелирующие. Существует мнение о том, что многие монографии «выросли» из словаря «Славянские древности», например, монографии А.В. Гуры [12], Т.А. Агапкиной [13] и многие другие.

По мере работы над «Славянскими древностями» источники для создания статей словаря расширялись, в 1990-е годы, когда работа была в самом разгаре, круг энциклопедических словарей, сопоставимых по разным параметрам с нашим словарем, значительно расширился. Некоторые из них стали также и источниками для «Славянских древностей», например «демонологические» словари М.Н. Власовой («Новая абевега русских суеверий», СПб., 1995; «Русские суеверия. Энциклопедический словарь», М., 2000) и др. Более того, в 1996 г. вышел первый том польского «Словаря народных стереотипов и символов» [5], наиболее близкого к «Славянским древностям» по задачам и непосредственному объекту описания, хотя изначальный замысел данного словаря был связан с языком, поэтикой и символикой польских произведений фольклора. Сопоставление двух словарей – московского и люблинского, конечно, отдельная тема, которой посвящены специальные работы С.М. Толстой и многих наших коллег.

Т.А. АГАПКИНА

«Фольклорные материалы в словаре»

В Предисловии к первому тому этнолингвистического словаря «Славянские древности» Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые писали: «Фольклорные источники привлекаются лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики обрядового и мифологического круга фактов, т.е. в первую очередь это обрядовый фольклор, неразрывно связанный с самими обрядами и нередко концентрирующий в себе семантику обряда, затем былички, предания, заговоры и другие жанры, наиболее непосредственно отражающие народное мировоззрение и древнейшие мифологические представления, и, наконец, так называемые малые жанры фольклора, т.е. загадки, пословицы, приговоры, заклинания, словесные формулы и клише, которые благодаря своей устойчивости часто сохраняют черты чрезвычайной культурной архаики» [1. Т. 1. С. 13]. Надо сразу сказать, что эти суждения, прежде всего об избирательности привлекаемого фольклорного материала, сохраняли свою актуальность на протяжении всех более чем двадцати лет работы над словарем.

Ниже мы попытаемся проанализировать, в какой мере и в каких типах словарных статей преимущественно используется фольклорный материал, а также что дает этот материал для раскрытия описываемых в словаре культурных реалий, образов и символов. Как оказалось, словарь, который отнюдь не является словарем фольклора, на самом деле включает в себя множество статей, посвященных разным жанрам, сюжетам, мотивам и тематическим группам фольклорных текстов.

Прежде всего, в словаре есть статьи, посвященные эпическим жанрам (Былины, Баллады, Духовные стихи, Легенды, Предания и некоторые другие). Эти статьи показывают, как жанры, никак не связанные с обрядами и лишь косвенно – с мифологией, тем не менее заключают в себе значительный корпус мифо-

логических представлений. Например, в статье о балладах, написанной Б.Н. Путиловым, исследователь указал на древнейшие мифологические истоки баллад (прежде всего южнославянских), выделив сюжеты и мотивы о связи человека со змеями, об отношениях людей с вилами, о солнце как о живом существе, мотивы чудесных превращений людей в предметы неживой природы, в животных и растения, мотивы, связанные с магией и колдовством, мотивы, описывающие силу и влияние прорицаний на судьбу человека, и многие другие.

Вторую группу составляют статьи, посвященные жанрам, которые «обслуживают» конкретные группы обрядов и календарные циклы: статью Свадебный обряд дополняет статья Свадебные песни, статью Погребальный обряд – статья Голошение; статья Святки – Виноградье, Колядные песни и Щедровки; статью Жатва – Жнивные песни; статью Иван Купала – Купальские песни и т.д. Понятно, что в зависимости от объема материала фольклорная составляющая календарных, семейных и хозяйственных обрядов могла выноситься в отдельную статью, а могла и описываться в рамках, так сказать, базовой статьи, посвященной самому обряду или празднику. Так, например, в объемную статью Игры народные включен специальный раздел, в котором описаны тексты разных фольклорных жанров, обслуживающие эту сферу народной культуры. В статью Каравай, посвященную основному свадебному хлебу, включены также и каравайные песни – их исполнение составляет важнейший эпизод ритуала приготовления свадебного хлеба, а сами они являются квинтэссенцией семантических доминант свадьбы как обряда перехода.

При этом надо иметь в виду, что описываемые в статьях такого рода фольклорные тексты не обязательно должны заключать в себе какой-то эксклюзивный, скажем, мифологический материал. Так, статья Волочебные песни, дополняющая статью Волочебный обряд, нужна уже потому, что эти песни являются обязательной частью обряда. Другое дело, что, описывая такие жанры, мы стремились сосредоточить внимание не на общей характеристике или поэтических особенностях соответствующих текстов, а на их мифологических и обрядовых аспектах.

Третья группа – это статьи, посвященные вербальным ритуалам. Таких статей довольно много: они составляют важный фрагмент ритуального поля традиционной культуры и потому, естественно, включаются в словарь. Это Благопожелание, Божба, Величание, Диалог-ритуал, Заговоры, Заклинания, Заклички, Клятва, Корить, Молитва, Обереги, Оповещение, Освящение, Приветствия, Приговоры, Приглашение ритуальное, Проклятие, Прорицание, Прощание, Угроза, а также общая статья Речь ритуальная.

К вербальным ритуалам примыкают статьи, посвященные отдельным формам речевого поведения и также связанные с фольклорным элементом, например Дразнить, Заумь или Звукоподражание, написанные преимущественно на языковом и фольклорном материале, таком, как рифмованные дразнилки, звукоподражательные приговорки, диалоги, заговоры, считалки и подобные жанровые формы.

Упомяну еще одну группу – в нее входят статьи, посвященные таким явлениям, как Запреты, Обмирания, Снотолкования и некоторые другие, которые обычно не принято относить к фольклорным жанрам. В нашем же словаре эти группы текстов описываются как имеющие жесткую логическую и языковую структуру, что в свою очередь дает их авторам основание считать эти группы текстов особыми фольклорными жанрами, содержащими важнейшую мифологическую информацию. Так, рассказы об обмираниях, т.е. посещениях «того» света душой погруженного в летаргический сон человека, обнаруживают тесную связь с народными верованиями о душе, загробном мире и его топографии, о взаимоотношениях между «тем» и «этим» светом и многим другим.

Несколько особняком в словаре стоят статьи Переправа через воду, Убиение стариков и «Житие» предметов и растений, которые посвящены универсальным фольклорным сюжетам и мотивам, имеющим кроссжанровый характер и представленным в обрядовых песнях, заговорах, загадках, быличках, играх, хорово-

дах и др. Фольклорные произведения на эти сюжеты выполняли в традиционной культуре определенные прагматические функции: в частности, например, рассказывание текстов на сюжет «жития» предметов и растений осуществлялось в апотропеических целях.

Во многих статьях словаря речь идет о конкретных мотивах. Это, например, статьи Обман, Обмен, Отбирание молока, Останавливать, Пережин, Проводы и многие другие, которые описывают и само действие (ритуальное, магическое, мифологическое), и его «вербальную» реализацию. Разумеется, удельный вес фольклорного материала в каждой такой статье будет разным. Если статья Огораживать исследует по преимуществу апотропеическое магическое действие в контексте сопутствующих ему верований и лишь в малой степени – мотив огораживания, представленный в магических текстах, то материалом для статьи Пережин в основном являются мифологические рассказы о способах отбирания урожая, а сам пережин описывается как базовый мотив этих рассказов.

Помимо статей, посвященных жанрам, формам речевого поведения, а также отдельным сюжетам и мотивам, в словаре присутствует несколько категорий статей, для написания которых использовался значительный массив фольклорного материала.

Прежде всего, наверное, это статьи, в которых исследуются архаические и мифологические образы, понятия, явления и объекты. Например,

- статья Папоротник посвящена не растению и его использованию в магии, а фольклорным сюжетам о добывании чудесного цветка и потому основана почти исключительно на материале фольклорных рассказов и быличек о цветении папоротника;

- статья Грех: излагаемые в ней перечни грехов во многом основаны на русских духовных стихах;

- статья Инцест широко использует мотивы этиологических легенд об инцесте между близнецами – небесными светилами, а также мотивы славянских баллад «Брат женился на сестре», «Братья-разбойники и сестра», «Вдова и братья-корабельщики» и т.д.

Другую группу составляют статьи, посвященные растениям и животным. В них почти обязательным является изложение легенд о происхождении как самих этих животных и растений, так и отдельных их свойств, часто обусловленных их встречей со Святым Семейством или святыми, соучастием в их земной жизни и страданиях, Божьим проклятием или благословением и т.п. Вспомним хотя бы сюжеты об осине, ольхе, грибах и многие другие.

В целом ряде статей присутствуют фрагменты, в которых описывается «речевая деятельность» объектов живой природы, звучащих предметов или мифологических персонажей. Идет ли речь о репликах, которые слышатся в колокольном звоне (статья Колокол, Колокольчик), о голосах и разговорах птиц (статья Крики животных и птиц), песнях русалок (статья Русалка) или о речевом поведении кликуш (статья Кликушество) – каждый такой случай представляет собой особую жанрово-тематическую группу. Подключение этого материала важно как с точки зрения создания максимально полного «портрета» описываемого явления традиционной культуры, так и потому, что каждый такой малый жанр содержит информацию, подчас не дублируемую ни языковым, ни обрядовым, ни собственно мифологическим материалом. Так, именно речевое поведение кликуш дает исследователю материал для «идентификации» вселяющихся в кликуш злых духов, позволяя распознать в них женщину или мужчину, имеющих имя и происхождение, имя и происхождение того, кто вселил злого духа в кликушу, а также причины, по которым это было сделано, т.е. в целом – дополнительный материал для исследования русского колдовства.

Следующая группа статей, широко использующих фольклорный материал, – это статьи о мифических и фольклорных народах (Татары, Турки, Чудь и др.), которые в значительной мере базируются на преданиях и легендах.

Особую группу составляют статьи, посвященные отдельным болезням, в которые обычно включается краткая характеристика заговоров от того или иного недуга, притом что особое внимание мы уделяем мифологическим аспектам болезни, раскрываемым в этих заговорах, а также их связи с ритуалом. Так, в статье Бессонница при характеристике заговорных формул, применяемых для избавления детей от бессонницы и крика, акцент сделан, в частности, на мотивах побратимства или связывающего больного ребенка и мифического персонажа, олицетворяющего бессонницу.

Наконец, последняя группа – это статьи, посвященные демонологическим и мифологическим персонажам, которые по крайней мере наполовину базируются на быличках и других поджанрах сказочной прозы.

Что касается остальных явлений традиционной культуры, то, привлекая к их описанию фольклорный материал, мы руководствовались в основном той самой «мерой этнолингвистичности», о которой фактически и писали в предисловии к словарю Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые и которая была критерием, позволявшим на всем протяжении работы над словарем отделять интересный, но неактуальный для словаря фольклорный материал от того, что действительно важно для раскрытия сути описываемых в нем явлений традиционной культуры.

Приведем два очень простых примера. В силу своей вербальной природы фольклорный материал зачастую был едва ли не единственным надежным источником информации о том или ином описываемом в словаре объекте. Так, в частности, произошло со статьями, посвященными календарным праздникам, когда именно календарные песни и паремии служили ключом к пониманию мифопоэтической семантики праздника. Так, в статье, посвященной дню памяти апостола Марка, речь идет о том, что сам святой и связанный с его именем праздник имеют отношение к области народной метеорологии и, в частности, к предупреждению градобития. В то же время если на востоке Балкан эта функция святого и праздника нашла выражение в том числе в верованиях и хрононимах, то у восточных славян поверий, эксплицирующих эти значения, почти нет, и мы узнаем об этой функции святого преимущественно из детских закличек типа «Марку, Марку, перенеси (или разнеси) марку».

И второй пример. Во многих статьях словаря фольклорный материал появляется именно там и тогда, где и когда он наиболее емко выражает смысл рассматриваемого явления или предмета. Так, например, в статье Гроб, где описывается, что гроб как жилище умершего противопоставлен земному жилищу человека, это противопоставление иллюстрируется не чем иным, как фрагментом причитания, в котором рассказывается, что у гроба, в отличие от дома, «Не прорублены косавчаты окошечки, / Не врезаны стекольчаты околени» и т.п. Ни один другой источник так выразительно эту особенность посмертного жилища усопшего не описывает.

В заключение заметим следующее. Хотя нам как авторам словаря совершенно очевидно, что многие фольклорные материалы, к сожалению, по разным причинам остались вне поля словаря, мы пытались не пропустить того, что было принципиально важно для описываемых нами явлений, и потому мы можем с полной уверенностью говорить о том, что даже такой вторичный и вспомогательный источник, каким является фольклорный материал, представлен и востребован в этнолингвистическом словаре широко и разнопланово.

О.В. БЕЛОВА

«От книжного текста к устному слову: народное христианство в словаре»

Проблема соотношения книжной и устной культуры, письменных текстов и устной традиции занимает в словаре «Славянские древности» значительное место. В целом ряде статей, посвященных как традиционной обрядности, народному календарю и т.п., так и отдельным фрагментам фольклорных представлений об

окружающем мире, ставится вопрос о влиянии книжной культуры на народные верования, об адаптации элементов средневековой книжности народной традицией, о соотношении в народной картине мира элементов христианского вероучения с архаическими мифологемами. Особенно ярко данная проблематика выражена в статьях словаря, посвященных различным аспектам народного христианства.

Это система мировоззрения, сочетающая элементы христианской канонической, апокрифической и фольклорной традиций (как словесной, так и изобразительной); включает космогонические, космологические, эсхатологические представления (см. статьи Ад, Рай, «Тот свет», Сотворение мира, Эсхатология народная, Страшный суд), религиозные и этноконфессиональные представления (статьи Бог, Богородица, Сакральный, Христос, Церковь), свод этических нормативов, важнейшими составляющими которой являются концепты добра и зла, греха и чуда, определяющие гармонию и равновесие мира, взаимоотношения Создателя со своими творениями, нормы человеческого общежития. Народно-христианские представления тесно связаны с календарем народным, демонологией народной, медициной народной, а также культом предков (см. Предки, Мертвых культ). Народное христианство находит отражение в фольклорных текстах – легендах, преданиях, духовных стихах, молитвах, заговорах, а также в иконографии. Обширный пласт народного религиозного фольклора составляют рассказы о чудесах, сотворенных Богом, Богородицей, Христом, ветхозаветными пророками, апостолами, святыми; о чудесных проявлениях Божественной благодати и чудесах, подтверждающих присутствие высших сакральных сил среди людей и их участие в повседневной жизни человека, т.е. в текстах так называемой народной Библии в самом широком понимании.

Народное христианство находит выражение в народном культе святых, почитании культовых мест, в обрядах и ритуалах, связанных со сферой религии и церкви. Ритуалистика в народном христианстве включает: официальные обряды (церковное сопровождение обрядов жизненного цикла, молитвы, молебны о дожде, освящение предметов, пищи); обряды, сочетающие церковные и народные элементы (почитание «святых» объектов и неканонических святых, наречение умерших некрещеных младенцев именами Адам и Ева, некоторые формы обрядового ряжения, обходные обряды); «языческие» обряды (игры при покойнике, катание священника по ниве, жертвоприношение деревьям, источникам, камням – см. Жертва); антиповедение в церкви; использование сакральных текстов и церковных атрибутов, а также предметов иудейского и мусульманского культов в магических целях (см. Икона, Книга, Молитва, Свеча и т.п.); обращение к священнослужителям (раввинам, муллам) за советами и помощью в кризисных ситуациях.

Анализируя материал, исследователям было важно понять, как в этой системе представлений происходит переход от слова книжного к слову устному, как религиозные концепты соотносятся с народной мифологией, – именно этому посвящена в 5-м томе словаря обобщающая статья Христианство народное.

Особый интерес для изучения представляют тексты, опирающиеся в своей сюжетике на христианскую иконографию (рассказы о библейских персонажах и святых, о чудесах и праздниках, значимых для церковного календаря). С одной стороны, перед нами – интерпретация изображения (иконографического сюжета), строящегося по законам фольклорного текстопорождения, с другой – своеобразная визуализация текста (внесение в иконографические памятники мотивов и образов народного искусства и отражение в христианской иконографии народных верований).

Наиболее показательными в этом аспекте являются востребованные в народной культуре и повествовательной традиции неканонические изображения (св. Христофор «с песью главою», свв. Флор и Лавр с лошадьми и конюхами, почивающий на подушках Творец мира и т.д.); отражение на иконах реалий быта

(приближение мира сакрального к повседневности); «наивные» интерпретации изображений (например, объяснение иконографии Богородицы Троеручицы посредством народных легенд о чудесном обретении Богородицей третьей руки во время бегства с младенцем Христом от преследователей); проецирование народных представлений о персонификации святых и посвященных им изображений в тексты «народной Библии» (легенды об «узнавании» святого и последующем чуде обретения веры – святые в облике людей спасают человека от бед, а потом он узнает своих спасителей в изображениях на иконах); отражение в народнорелигиозных текстах системы ценностей, связанной с восприятием «своей» и «чужой» веры, обрядов и ритуалов иных конгрегаций.

М.М. ВАЛЕНЦОВА

«Народная демонология в словаре»

Народной мифологии в Словаре отведено значительное место – это одна из основных мировоззренческих категорий, которая обуславливает понимание и функционирование множества других категорий народной духовной культуры: без мифологического осмысления немислимы представления о рождении, судьбе, смерти, взаимоотношениях человека с природой, человека с животными, объяснения естественных и социальных процессов в человеческом обществе.

Основу демонологических верований составляют персонажи низшей мифологии. Система демонологических «реалий» и понятий описана в статье Демонология народная. Отдельными статьями в Словаре включены основные персонажи, как общеславянские, так и известные лишь в некоторых традициях или ареалах, например: Черт, Ведьма, Ночницы, Яга, Вампир, Змей летающий, Мара, Русалка. Вошли в Словарь также языческие высшие божества (такие, как Белый бог, Берегини, Ярила), пантеоны высших славянских языческих богов описаны в статье Боги. Понятие «язычество», связи язычества с мифологией, магией и культом мертвых, его последующих взаимоотношений с христианством и формирование двоеверия, отражение язычества в ритуалах, народной космологии, ботанике и зоологии и другие проблемы рассмотрены в статье Язычество.

Представлены в Словаре и персонажи книжной славянской традиции: Василиск, Великан, Див, Алконост и др. – поскольку эти образы были восприняты и переосмыслены народной традицией и вошли в фонд устных повествовательных жанров.

Необходимо отметить, что в Словаре впервые предпринята попытка охватить демонологические персонажи в общеславянском масштабе. Эта задача потребовала создания типологии персонажей (часто отличающихся именем или набором признаков, функциями и т.п.), а последняя вывела на решение такой важной проблемы, как **идентификация** персонажей. Иными словами, требовалось определить, какие элементы составляют персонаж и где граница, отделяющая один персонаж от другого? Вопрос разграничения разных феноменов в живой и неживой природе – скорее, философский, он издревле интересовал людей и каждый раз решался на основе взаимного соглашения, т.е. условно. Стало понятно, что русские имена *водяной*, *домовой*, *леший* не могут быть использованы в качестве типологических для описания различных водяных, домовых и лесных персонажей других славянских традиций (уже не говоря о том, что их просто может не быть в ряде традиций). Решение проблемы было найдено, во-первых, в написании статей с обобщающим, «наддиалектным» названием. Например, разноименные персонажи, нередко имеющие различное происхождение, внешний вид и другие свойства, но объединенные одной функцией – приносить богатство (деньги, зерно) своему хозяину, описаны в статье Дух-обогадитель; персонажи, связанные с воздухом, описаны в статье Духи атмосферные. О демоническом населении дома и подворья (кроме домового, о нем – в статье Домовой) рассказано в статье Духи домашние. Практически для каждого локуса в местной традиции у южных сла-

вян известен дух-хозяин, защитник, о которых рассказано в статье Духи локусов. С другой стороны, нельзя было обойтись и без описания демонов, имеющих хотя и ограниченное распространение, но являющихся яркими представителями региональных традиций, например у южных славян – Караконджул, Хала; в карпатском регионе – Чернокнужник, Богинка, Босорка; на Карпатах и на Балканах – Вештица, Вила, Стрига; в польской традиции – Мамуна; украинской – Мавка; в русской – Леший, Банник, севернорусской – Шуликуны; в чешской и моравской – Перхта; белорусской – Белун и т.д. В целом, как представляется, удалось отразить специфику всех славянских зон. Именно особую специфику каждой традиции предполагалось описать в разных статьях о славянских ведьмах: Ведьма, Стрига, Босорка, Вештица.

Демонология пронизывает все области человеческого существования. Работа над Словарем, осмысление различных аспектов демонологических верований расширила представления о распространенности демонов, их «вездесущности»: например, с точки зрения тематической классификации, мифологические персонажи относятся к духам домашним, полевым, лесным, водяным, воздушным, духам судьбы (статьи Доля, Судженицы), демонам болезней (или речь идет о персонификации болезней: статьи Бессонница, Бешенство, Колтун, Мор, Чума, Холера).

Понятие «народная демонология» помимо собственно демонов включает также демонологизацию времени (о чем рассказано в статьях Время, Сутки, Полдень, Полночь), пространства (Граница, «Тот свет», Ирей), природных стихий (Вихрь, Гром, Град, Ветер, Водоворот, Молния). Демонологизируются отдельные группы людей; среди них – «знающие» (Колдун, Знахарь, Ведьма), «профессионалы» (Кузнец, Мельник, Пастух), представители «чужих» этнических групп (Чудь, Еврей, Татары). С концептами оборотничества и превращения (являющимися предметом отдельных статей) связаны демонические черты животных (см. в статьях Волк, Змея, Ласка, Лягушка), птиц (Сорока, Сова), растений (Папоротник, Осина, Мак). Более того, природа демонического раскрывается при анализе некоторых свойств и состояний (см. в статьях: Колочий, Кривой, Нагота, Наоборот), действий (Выворачивание одежды, Переворачивание предметов и др.).

В обрядовой сфере с областью демонологии связаны действия по привлечению и использованию нечистой силы (статья Гадание), избавлению от нечистой силы (Изгнание ритуальное, Задабривание, Распознавание (ведьмы), Заговоры), различные практики, которые часто используются в народной медицине. (Медицина народная понимается как «древнейший вид профессиональной деятельности, сочетающей рациональный опыт врачевания с магической практикой *изгнания, уничтожения или задабривания* духа болезни» [1. Т. 3. С. 215].) Исключительно мифологическими причинами объясняли недомогания, вызванные сглазом и порчей. Впрочем, сглазу и порче подвержены не только люди, но и урожай (см. Урожай, Залом, Засуха), вод скота (см. Отбирание молока, Вестись, плодиться), удача и счастье вообще (Доля, Судьба). Формы предупреждения, оберега от воздействия нечистой силы рассмотрены в статьях: Обереги, Растения-обереги, Амулет.

В большой степени с демонологией связана вся область смерти (см. Смерть, Душа, «Тот свет», Нави, Дети некрещенные), особенно смерти неестественной, «нечистой» (статьи Висельник, Утопленник, Самоубийца, Покойник «заложный»); о соотношении естественной и нечистой смерти – статья Мертвых культ.

Нередко мифологические персонажи действуют сезонно или их деятельность приурочена к праздникам (особенно летнего и зимнего солнцеворота, весеннего и осеннего равноденствия), поэтому не свободен от демонологических поверий и самих демонов и народный календарь (см. Иван Купала, Люция, Рождество, Масленица).

Народная демонология представлена не только через систему мифологических персонажей, но и через характерные для них признаки, действия, обряды, кон-

цепты и семантические оппозиции (в первую очередь Свой – чужой, Верх – низ, Мужской – женский, День – ночь).

Пожалуй, нет ни одного автора словаря, который бы – в разной степени – не прикоснулся к теме демонологии. Без преувеличения можно сказать, что это одна из сквозных тем народной духовной культуры и, соответственно, словаря «Славянские древности».

А.А. ПЛОТНИКОВА

«География и ареалогия в словаре»

В предисловии к первому тому словаря «Славянские древности» его создатели – Н.И. Толстой и С.М. Толстая – писали: «Большое значение придается в словаре а р е а л ь н о й х а р а к т е р и с т и к е толкуемых явлений, ибо их адекватная интерпретация может быть дана только с учетом всех территориальных разновидностей каждого элемента или фрагмента культуры в пределах славянского мира и их внеславянских связей» [1. Т. 1. С. 9].

Первый том словаря открывается справочными картами: историко-этнографическими, диалектными, картами-схемами с указанием регионов, на которые ссылаются авторы статей словаря. Это обеспечивает возможность идентификации географических помет, обозначений языковых, этнических, исторических зон и областей. Для каждого славянского этноса или государства приводится несколько карт, в том числе карта этнокультурных регионов и карта диалектного членения соответствующего языка. Такая подача справочных карт не является формальной: например, вниманию читателя предлагается карта административного деления Польши на воеводства, поскольку материалы источников часто документируются с помощью указания на воеводства и поветы, для Болгарии – карты этнических регионов с обозначением этнических групп и т.д. Культурные традиции отдельных этносов часто совпадают с языковым (диалектным) членением той или иной зоны, поэтому диалектные карты даются практически для всех славянских языков; вместе с тем в случае Польши и Лужицы более актуальны карты этнодиалектных регионов (о специфике диалектного членения Польши см. обзор О.А. Терновской [14]).

Начиная со второго тома словаря появляются карты, непосредственно отражающие содержание статей словаря. Такие карты приводятся к статьям, раскрывающим географическое распределение явлений, характерных для Южной Славии (см. Додола, Игнатий, Лазарки, Судженицы, Сурвакары). Ряд карт хорошо показывает контактные славянские зоны: карпатскую, полесскую, сербско-болгарское пограничье и т.д. (см. Проводы, Радуница, Русальная неделя). Так, на карте к статье Русальная неделя (из книги Т.А. Агапкиной [13. С. 343]) архаические хронимы на ⁺*rusal-* прослеживаются во всех пограничных славянских зонах: на белорусско-украинском пограничье в Полесье, в карпатской зоне на стыке закарпатской, словацкой и польской традиций, в восточносербско-западноболгарском пограничье. Что касается инославянских связей значимых терминов славянской духовной культуры, то, например, чтение карты «Демоны, определяющие судьбу», представленной в статье Судженицы, показывает, как тип *орисници*, характерный для северной и центральной Болгарии, противопоставлен типу *наречница* (от **rek-*), распространенному в южном балканославянском поясе (Странджа, Сакар, Родопы, Пирин в Болгарии и Македония). Этот факт свидетельствует о закреплении термина славянского происхождения (от **rek-*) в пограничной с Грецией зоне, откуда происходит термин *орисница* из греч. *ορίζω* ‘определить, установить’. В данном случае карта в словаре отражает сохранение исконно славянского лексического фонда в зонах, контактных с греческими.

Картографическая проекция языкового и культурного явления помогает воссозданию представления об архаической основе того или иного явления. Карты в словаре не только служат иллюстрациями к статьям, но и зачастую показыва-

ют явление шире и глубже, нежели оно представлено в статье. Примером может служить статья Лазарки с картой. На карте представлены и «королевские обходы», и «лазарские». Это делается для того, чтобы показать архаические черты в обряде на «Лазарева дня» и их отражение в терминологической лексике обряда. В данном случае именно карта помогает вычлнить архаический культурный слой. Наименования *буенек*, *буенец*, характерные для «королевских обходов» в северо-восточной Болгарии (см. карту к статье Лазарки), связаны с особым, «воинствующим», типом исполнения обряда (см. статью Королевские обходы, где этот тип кратко описывается). Черты этого типа обрядности прослеживаются в обряде *лазарице* в юго-восточной Сербии, северной и западной Македонии, и именно такой тип обряда *лазарице* коррелирует с северо-восточноболгарским «королевским обрядом» *буенек*. Данное явление может свидетельствовать о том, что христианское название (от ⁺*lazar-*), связанное со временем исполнения обхода на «Лазарев день» (Вербную субботу), вытеснило старое название весенних девических обходов, в том числе «королевских». Возможно, эти наименования были связаны с «королевскими обходами», имеющими обширные аналогии у западных славян, но более вероятно, что именно в восточной части Южной Славии (Сербии, Македонии и Болгарии) этот тип обряда назывался *буенец* и под., что отражают наименования обряда и его компонентов в северо-восточной Болгарии, связанные с основной семантикой обряда: буйный, неудержимый танец, исполняемый ради того, чтобы все плодилось и родилось. В статье Лазарки приводятся аналогии со статьей Крутить(ся), на которую дается ссылка.

Разумеется, вся проблематика, связанная с использованием географического критерия при характеристике термина или явления, не может быть раскрыта в энциклопедическом словаре, как, например, это делается в специальной монографии, посвященной этнолингвистической географии Южной Славии, где карты точнее и подробнее (см. [15]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1; М., 1999. Т. 2; М., 2004. Т. 3; М., 2009. Т. 4; М., 2012. Т. 5.
2. *Malkiel Y.* Etymology and General Linguistics // *Word: Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists.* 1962. Vol. 1–2.
3. *Дронова Л.П.* Сладко-соленый вопрос // *Этимология 2006–2008.* М., 2010.
4. *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // *Вопросы языкознания.* 1966. № 5.
5. *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny.* Wrocław, 1980.
6. *Moszyński K.* *Kultura ludowa Słowian.* Warszawa, 1967. Т. 2. Cz. 1.
7. *Gasparini E.* *Il matriarcato slavo.* Firenze, 1973.
8. Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словаря. Предварительные материалы. М., 1984.
9. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
10. *Толстая С.М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // *Общеславянский лингвистический атлас.* 1982. М., 1985.
11. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1–3.
12. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
13. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
14. *Терновская О.А.* Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов // *Советское славяноведение.* 1975. № 5.
15. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.